

©2013 г.

Ц.М. ЧИКАИДЗЕ

К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОГО ЕДИНСТВА: 1920–1940-е годы

Арабскому Востоку всегда принадлежало одно из центральных мест в мировой геополитике. Привлекательность региона для Великобритании, Франции, Германии и США состояла не только в том, что через этот район проходят важные пути из Европы в страны Азии и Африки: противоборство в основном шло за военно-стратегическое и политическое господство, осложнявшееся вследствие стремления ведущих держав Запада захватить нефтеносные источники.

Фактор военно-политического преобладания в регионе предоставил британскому правительству весомый аргумент в процессе формирования ближневосточного ландшафта после первой мировой войны. И если Индия считалась “жемчужиной британской короны”, то Суэцкий канал рассматривался как “тотем британского величия”¹. Интересы Британской империи были направлены на предотвращение превалирования интересов какой-либо державы во всем районе Красного моря и Персидского залива, поскольку контроль за ресурсами и коммуникациями Арабского Востока обеспечивал доминирующие позиции Великобритании в регионе. Тем не менее в Лондоне вынуждены были соотносить имперские стратегические интересы, соизмеряя их с экономическими возможностями и искать более рациональные варианты отстаивания своих позиций. Условия, сложившиеся после распада Османской империи, сделали возможным союз Великобритании и Хашимитской династии, основы которого были заложены в результате участия Хиджаза в вооруженных действиях против своего сюзерена. Образование находившихся под мандатным управлением Великобритании хашимитских Ирака и Трансиордании, как и провозглашение независимости Хиджаза, остававшегося под контролем той же династии, становилось реальностью². Заявление министра колоний У. Черчилля, сделанное в 1921 г., что в отношении арабской расы могут быть применены две политики: одна – держать арабов разделенными, другая – в попытке создать арабское государство, дружественное по отношению к Великобритании³, становилось лейтмотивом политики Великобритании на арабском Востоке в последующий период.

Крушение турецкого господства на Арабском Востоке привело к подъему национально-освободительного движения в арабских странах. В ходе борьбы арабского народа за независимость и национальное освобождение формировалась идея национального единения. Освободительные тенденции, пробуждение арабского национального сознания предопределили преобладание объединительных начал в системе межарабских отношений. Особенностью национально-освободительного движения того периода было сосуществование в нем центростремительной и центробежной тенденций. Странники

Чикаидзе Циснами Михайловна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

¹ *Seldon A. Churchill's Indian Summer. The Conservative Government, 1951–1955.* London, 1981, p. 54.

² *Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз.* Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1926–2004 гг.). М., 2005, с. 99–100.

³ *Луцкий В.Б.* Лига арабских государств. М., 1946, с. 10.

первой, “панарабисты”, призывали к возрождению арабской нации через арабское единство и консолидации арабского мира. Лозунги панарабизма использовались в политической программе соперничавших Хашимитской и Саудийской династий. Руководствуясь ими, каждая из них стремилась реализовать собственные цели. Приверженцы арабского национального движения, получившие доступ в структуры власти, составили большинство в правительствах арабских стран, что привело к переориентации их идей, носивших партикулярный и региональный характер. Концепция сторонников центробежной тенденции предполагала объединение усилий арабских стран за освобождение от иностранного влияния при сохранении автономии их государств.

С выходом на политическую арену в 1926 г. короля Абду-Азиза Ибн Сауда и успешного объединения им Неджда, Хиджаза, Асира и Эль-Хасы внимание арабских политиков стало концентрироваться на Аравии в надежде, что в будущем она могла бы стать колыбелью арабских независимых государств, как это было в прошлом⁴. Становясь “Служителем двух Священных мечетей”, Ибн Сауд стремился к расширению влияния в ближневосточном регионе и на всем геополитическом пространстве мусульманского мира⁵. Однако курс Ибн Сауда в направлении политических образований вызвал негативную реакцию со стороны Лондона. Франция же на протяжении межвоенного периода занимала в Хиджазе – Неджде, по сути, позицию пассивного наблюдателя, строго придерживаясь соглашения “Сайкс-Пико” от 1918 г., согласно которому Париж предоставил свободу действий Лондону к югу от Сирии. Причины нежелания короля пойти на юридическое оформление отношений с СССР главным образом были связаны с нестабильной внутривосточной обстановкой и способностью Великобритании влиять на нее. Шаткость позиций саудовского монарха усугублялась истощением королевской казны. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. повлек за собой сокращение паломничества в Мекку – основного источника хиджазских доходов. Вследствие этого становится очевидным стремление к свободе внешнеполитического маневра своей страны Ибн Сауда, установление контактов способных создать препятствие региональному влиянию Великобритании. В апреле 1931 г. Мекку посетил иракский премьер Нури Саид, подписавший договор о дружбе и конвенцию о выдаче преступников. Встреча саудовского монарха с представителем иракской ветви Хашимитов королем Фейсалом призвана была поставить точку в бесконечном противостоянии двух стран⁶.

Хотя “панарабистские” чувства сильнее всего были в Сирии, слабость сирийских националистов заключалась в отсутствии своего государства, которое могло бы стать центром объединения арабских стран. “Таймс” в марте 1935 г. писала, что Ибн Сауд принял сирийскую делегацию, обсуждая с ней вопрос создания арабской федеративной империи⁷. Арабскую политическую элиту не устраивало переустройство подмандатных районов, поэтому идея Великой Сирии активно обсуждалась. Сторонником создания “Великой Сирии” выступал эмир Трансиордании Абдаллах, но для руководителей арабских стран Абдаллах, несмотря на его амбиции, оставался правителем слабого государства в пустыне.

На Ирак, где в начале 30-х годов XX в. был упразднен британский мандат, панарабисты также возлагали надежды, считая, что он станет ядром будущего единого государства. Видным политическим деятелем монархического Ирака был Нури Саид, в период с 1930–1958 гг. многократно занимавший пост премьер-министра. Это был ловкий, честолюбивый политик, не скрывавший тесных контактов с правящими кругами Великобритании⁸. В 1935 г. им был предложен план объединения Ирака и Трансиордании,

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 56 Б, оп. 1, п. 3, д. 39, л. 24.

⁵ *Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз*. Указ. соч., с. 76.

⁶ Назир Тюрюкулов – полпред в королевстве Саудовская Аравия (1928–1935 гг.). Письма, дневники, отчеты. М., 2000, с. 22.

⁷ *The Times*, 19.III.1935.

⁸ *Morris J. The Hashemite Kings*. London, 1959, p. 152–183.

с последующим включением других основных частей Великой Сирии – Сирии, Ливана и Палестины. В условиях общего ухудшения международной обстановки план не имел шансов на обсуждение. К тому же из-за огромного влияния Великобритании, Франции и США на Арабском Востоке, стимулировавших там центробежные тенденции, борьба за единение была в значительной степени ослаблена.

Противостояние колониальной политике Великобритании и Франции в 1920–1930-х годах способствовало активизации борьбы арабских националистов. Выражением объединительные настроения, охватившие арабский мир, была поддержка арабскими странами палестинского национально-освободительного движения. Египетская пресса в августе 1936 г. писала: “Король Саудии Ибн Сауд, король Ирака Гази, глава заиорданского правительства эмир Абдаллах и король Йемена Имам Яхья обратились через посланников Ирака и Саудии в Лондоне к английскому королю с просьбой как можно скорее решить палестинский вопрос”⁹.

Созданный за счет привлечения представителей местных политических элит “фасад” независимой государственности сочетался с изменениями, происшедшими в общественно-политическом развитии Арабского Востока, оставляя Великобритании обширные возможности для контроля и манипулирования внешней политикой ближневосточного региона. Британский министр иностранных дел Э. Иден 18 июля 1937 г. заявил в Палате Общин: Англия заинтересована в том, чтобы ни одна великая держава не укрепилась на восточном побережье Красного моря¹⁰. Практически не вмешиваясь в местные дела, руководство Великобритании, опиравшееся на двусторонние договоры, играло в регионе роль управляющего, опекуна и судьи. Межгосударственные конфликты были заморожены, перевороты запрещались либо организовывались в упрещающем порядке.

Так, в период между двумя мировыми войнами арабские националисты были гражданами формально независимых или полузависимых государств, но освободительное движение развивалось на Арабском Востоке в каждой стране изолированно, координация этого движения почти отсутствовала. Процесс консолидации национальных государств, замыкающихся в своих границах и отгораживающихся друг от друга, грозил разделить арабский мир.

Но существовала и другая тенденция – локально-националистическая, в которой главным являлся вопрос о роли Египта. “Египет – голова арабского мира, а Сирия – его сердце”, – говорят арабы. На Мусульманском конгрессе в Каире в 1939 г. короля Фарука приветствовали титулом “повелитель правоверных” (титул халифа), демонстрируя желание египетской феодальной верхушки установить гегемонию в арабском объединительном движении¹¹. И наряду с этим, как ни парадоксально, Египет не считался настоящей арабской страной, ни “Лига арабского отечества”, в 1905 г., ни “панарабисты” 30-х годов XX в. не включали Египет в будущее арабское государство. Но ведущие позиции в египетском обществе принадлежали крупной буржуазии, окрепшей в результате быстрого развития промышленности страны в межвоенный период, экспансионистские замыслы которой в арабском мире усиливались, с чем и было связано последующее усиление панарабской тенденции.

С началом Второй мировой войны арабские политики разделились на два лагеря: одни – антигитлеровскую коалицию в ее борьбе против Германии и Италии (Египет, Трансиордания, с лета 1941 г. Ирак); другие, учитывая игнорирование Великобританией и Францией интересов арабского народа, предпочли использовать сложившуюся международную ситуацию, сохраняя нейтралитет по отношению к соперничающим сторонам (Йемен, до 1943 г. Саудовская Аравия), чтобы выяснить, кто на деле готов

⁹ Al-Ahram, 6.VIII.1936.

¹⁰ АВПРФ, ф. 127, оп. 1, п. 3, д. 39, л. 62 (Календарь политических событий (Саудовская Аравия). 1927–1937 гг.).

¹¹ *Мирский Г.И.* Арабские народы продолжают борьбу. М., 1961, с. 19.

способствовать становлению арабского единства и получению независимости арабскими странами.

Разгром Франции в 1940 г. вызвал новые надежды в Сирии и Ливане; так, 1 июля 1940 г. эмир Абдаллах обратился к британскому Верховному комиссару в Иерусалиме с призывом сделать заявление в поддержку сирийско-ливанского единства. Ответом служил призыв к терпению и выдержке, пока окончательно не определится состояние дел на фронте военных действий. В тот период Великобритания на Арабском Востоке решала задачу предотвращения захвата региона фашистским блоком и расширения сфер влияния, уделяя внимание оказанию помощи де Голлю в деле сплочения колониальных владений Франции в Леванте и Северной Африке. Германия, в свою очередь, считая борьбу с Англией одной из приоритетных задач, использовала для этой цели арабское освободительное движение. Опасность германской оккупации арабского Востока была реальной, и лишь переброска немецких войск для вторжения в СССР отвела от арабских стран к востоку от Ливии эту угрозу.

Неудавшаяся попытка государственного переворота Али Гайлани весной 1941 г. в Ираке, носившего националистический, антианглийский и прогерманский характер, показала опасность роста освободительных тенденций у арабов для интересов Англии. Намерение же сохранить позиции в Ираке демонстрируют выдвинутые британским правительством условия: отвести иракские войска от базы в Хаббани и прекратить военные действия против английских войск. При выполнении этих условий в Лондоне готовы были обсудить вопрос о договорных обязательствах Ирака¹². Можно согласиться с американским историком Д. Ленцовским в том, что «влияние держав “оси” в то время достигло высшей точки, и англичане чувствовали, что им необходимо срочно принять радикальные меры для обретения дружбы арабов»¹³. Весной 1941 г. английское правительство создало Арабское телеграфное агентство для распространения информации в арабских странах, позднее, в 1942 г. была создана радиостанция в Яффе (Палестина) для пропаганды на эти страны. Но последние не желали воевать за интересы Англии, не принимались ими на веру и освободительные лозунги войны, выдвигавшиеся правительством Великобритании¹⁴. Бывший премьер-министр Ирака Рашид Али Гайлани заявил: если бы англичане были искренни, то позволили бы арабам удовлетворить их национальные требования. «Англия же силой оккупировала эти страны. Ирак лишен свободы и независимости. Сирия ввергнута в нужду, в Палестине господствуют евреи, в Ливане англичане своей политикой стремятся вызвать разложение. Всё доказывает, что Англия по-прежнему стремится к порабощению арабских стран, к подрыву их единства»¹⁵. При этом бывший премьер-министр призывал продолжать борьбу вместе с Германией против “лстивого и коварного” врага.

Пытаясь задержать падение своего престижа на Арабском Востоке, связанное с длительным господством и военными поражениями первых лет войны, английское правительство выражало готовность поддержать движение арабов за единство, парируя этой уступкой усилия держав “оси”, использовавших арабский национализм и намереваясь предотвратить объединение этих стран по их собственному сценарию.

Если на первых порах протесты против колониального засилья, безвластия местной элиты, политических и конфессиональных ограничений носили территориально-ограниченный характер, то со временем тяготение к общеарабским акциям и совместным политическим программам неуклонно возрастало. Становлению объединительных тенденций способствовало сходство проблем, связанных с необходимостью преодоления отсталости, обретения политической и экономической независимости, укрепления национального суверенитета арабских стран.

¹² Правда, 8.V.1941.

¹³ *Lenczowsky G. The Middle East in World Affairs. New York, 1957, p. 503.*

¹⁴ *Monroe E. Britain's Moment in the Middle East 1914–1956. London, 1963, p. 129.*

¹⁵ АВП РФ, ф. 56 Б, оп. 7, п. 27, д. 9, л. 79 (Из выступления экс-премьер-министра Ирака Рашид Али Гайлани 3 октября 1943 г.).

В ответ на заявления некоторых арабских лидеров о необходимости союза арабов У. Черчилль и Э. Иден высказывались крайне осторожно и туманно. Факт создания такого союза мог быть принят при условии обеспечения Великобритании нефтью, гарантии безопасности перевозок через регион, а также вытеснения любой другой соперничающей с Великобританией державы из региона. Позитивным аспектом предполагалось усиление британского влияния в арабском регионе, среди нежелательных последствий – противодействие со стороны Франции и сионистских организаций в решении данного вопроса. К докладной записке прилагался документ, оговаривающий проекты по созданию союза. Однако обсуждение данной проблемы было приостановлено ввиду ухудшения стратегического положения союзников на фронтах. Но, невзирая на позицию британского правительства, процесс диалога между арабскими государствами по вопросу дальнейшего объединения набирал обороты.

В декабре 1942 г. Нури Саидом был предложен план объединения стран “Благоприятного полумесяца”, предполагавший действия в три этапа. На первом в одно государство – Великую Сирию – объединялись бы Сирия, Ливан и Трансиордания; на втором должна была возникнуть Лига арабских стран, в которую вошли бы Великая Сирия и Ирак. На третьем этапе, к Лиге должны были присоединиться другие арабские государства¹⁶. Нури Саид, поддержав планы Абдаллаха по созданию Великой Сирии, внес в них изменения относительно участия Ирака и оставил открытым вопрос о форме правления. Проект, выдвинутый в период, когда обретали независимость Сирия и Ливан, вызвал оживленные дискуссии в странах Арабского Востока, но против идеи “Великой Сирии” выступала Франция, желавшая сохранить свои позиции в странах Леванта.

Великобританией всячески поощрялись политические и экономические связи арабских стран. Все ближневосточные страны были включены в систему стерлингового блока, что дало Англии возможность осуществлять контроль над местной экономикой и ее зарубежными связями. В отношении стран стерлингового блока была введена система стерлинговых авуаров – зачисление на счет соответствующей страны в английском банке стоимости товаров и услуг, полученных британскими властями от этой страны в годы войны. Так Египет и другие страны стерлингового блока финансировали военные расходы Великобритании¹⁷.

Играя на стремлении арабских стран к единству, британские верхи разрабатывали план создания объединения арабских государств, которые находились бы под фактическим контролем английского правительства и являлись орудием ее политики на Ближнем Востоке¹⁸. Посол Великобритании в Египте лорд Киллен подчеркивал: “Мы имеем долгосрочный интерес в поддержке арабского сотрудничества, в повышении материального благополучия и удовлетворения сокровенных желаний этих стран, насколько позволяют наши имперские интересы”¹⁹. “Содействуя” достижению национальной независимости Сирии и Ливана, в Лондоне намеревались, добившись отстранения Франции, утвердить британский контроль над отдельными частями ее колониальной империи. Стремление Лондона навязать свое руководство “Свободной Франции” и желание стать арбитром в их взаимоотношениях с арабами вызывали обострение отношений между союзниками. Но “политическая победа антифранцузских сил в Ливане вынуждала французов в целях удержания влияния присоединиться к англичанам, поддерживающих идею создания арабской федерации”²⁰.

---

¹⁶ *Пелинас М.Я.* Политика США и Великобритании по созданию военно-политической организации на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1955). – Американский и Сибирский фронтир. Томск, 2001, вып. 5, с. 44.

¹⁷ История дипломатии, т. IV. М., 1975, с. 588.

¹⁸ Внешняя политика развивающихся стран. Общие проблемы и методология исследования. М., 1983, с. 163.

¹⁹ *Louis W.* The British Empire in the Middle East 1945–1951. Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism. Oxford, 1984, p. 128 (Killearn to Eden, 23 Mar. 1945).

²⁰ The Washington Post, 6.X.1943.

Говоря о своей поддержке движения за арабское единство, британское правительство одновременно заявляло, что в отношении Палестины оно придерживается декларации Бальфура, хотя британские эксперты по Ближнему Востоку объясняли враждебность арабов к Великобритании проеврейской позицией английских властей в Палестине. Поэтому английское правительство от односторонней поддержки сионизма перешло к лавированию между сионизмом и арабским национализмом. Английский министр-резидент на Ближнем Востоке Р. Кейзи характеризовал позицию Великобритании следующим образом: “Нам нужен был тихий регион”²¹. В целом английская дипломатия в период войны считала целесообразным уклоняться от решения палестинской проблемы, чтобы не ставить под угрозу “дружбу” с арабами.

В условиях войны и роста национально-освободительного движения политика “разделяй и властвуй” стала явно недостаточной. Великобритания вынуждена была обратиться за помощью к своему американскому союзнику. Свое преимущество в силе США использовали, чтобы в рамках союза потеснить Англию и захватить многие принадлежавшие ей внешнеторговые, стратегические и внешнеполитические позиции. Стремление американцев к политике “открытых дверей” для обеспечения экспорта своих товаров на Ближний Восток противоречило интересам англичан, став одной из причин англо-американских противоречий на Арабском Востоке. Главным же объектом борьбы являлась нефть, более того, именно этот фактор стал основным стержнем дипломатии между Великобританией и США. Несмотря на сохранение английского военно-политического и экономического преобладания в регионе, поддержка госдепартаментом США претензий американских нефтяных корпораций способствовала формированию основы для последующего политического доминирования Соединенных Штатов в регионе. Требования американской сионистской организации создания еврейского государства в Палестине (Билтморская программа), было поддержано Ф. Рузвельтом в расчете, что будущее государство станет опорой США в районе безраздельного господства англичан²².

Активное вторжение США в ближневосточный регион, который, по сути, являлся заповедником английского колониализма, а также развитие связей между отдельными странами арабского мира поставили перед Великобританией задачу сохранения статус-кво на Арабском Востоке. Согласно мнению британского посла в Египте лорда Киллена, возвращение испытанного и верного принципа “разделяй и властвуй” укрепило бы безопасность Англии на Ближнем Востоке, хотя большинство экспертов по Ближнему Востоку не были согласны с этим мнением. Сотрудник Восточного отдела Форин офис Р. Хэнки, отслуживший часть войны в Каире и Тегеране, считал, что подобный принцип являлся рискованным лозунгом для Великобритании в будущем. “Мы будем иметь ощутимые преимущества, содействуя сплоченности арабских стран”, – заявлял он в этой связи. Единство Ближнего Востока, которому сочувствовали все арабы, по его представлениям, являлось преувеличением. Хэнки полагал, что британский престиж и влияние на Арабском Востоке будут сохранены, если Великобритания станет субсидировать региональную организацию для защиты собственных интересов²³. Обладая статусом ведущей внерегиональной державы на Арабском Востоке, имеющей преференциальные отношения с Ираком, Египтом, Трансиорданией и являясь страной, из обязательств которой следовало содействовать созданию необходимых для них институтов государственного и надгосударственного управления, Великобритания принимала активное участие в становлении ЛАГ. “Англичане склонны были бы поставить во главе будущего Арабского Союза Ирак как наиболее надежного соратника, но им приходилось считаться с Египтом – самым развитым арабским государством, претендующим на главенствующую роль”²⁴.

²¹ *Casey R. Personal Experience 1939–1946. New York, 1962, p. 139.*

²² См. *Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, с. 453.*

²³ *Louis W. Op. cit., p. 133.*

²⁴ АВПРФ, ф 56 Б, оп. 7, п. 27, д. 9, л. 22 (Бюллетень ТАСС от 22 июня 1943 г.).

Нури Саид, считавшийся одним из архитекторов Арабской Лиги, убеждал египетского премьер-министра Наххас-пашу, взять инициативу в свои руки, надеясь, что Египет позволит нейтрализовать враждебность Хашимитов и Саудитов. Мустафа Наххас-паша, выступая в парламенте 31 марта 1943 г. с официальным заявлением о проекте создания ЛАГ подчеркнул: “Идеальный путь, который может привести нас к желаемой цели, – это обсуждение данной проблемы арабскими правительствами”²⁵. Во второй половине 1943 г. и в первой половине 1944 г. Наххас-паша вел активные переговоры с главами независимых арабских государств в восточной части арабского Востока относительно осуществления проектов арабского единства. Конференции арабских лидеров, проходившие в Египте, подчеркивали его значимость в арабском мире, повышая шансы короля Египта Фарука на создание панарабского союза. Но то, что арабские конференции были подготовлены его премьер-министром и соперником Наххас-пашой и находились под контролем англичан, подрывало шансы Фарука на удовлетворение его честолюбивых устремлений. По мнению советского обозревателя, “премьер действует против короля, взяв на себя руководство обсуждением создания панарабской федерации и давая возможность англичанам инспирировать и направлять это обсуждение”²⁶.

Представители Ирака и Трансиордании не предполагали тесного сотрудничества, опасаясь утраты своих позиций в пользу более развитых стран региона, идя на упрочение то регионализма, то арабизма в зависимости от политической конъюнктуры. Когда же речь заходила о “Великой Сирии”, они соглашались на тесный политический союз, в котором могли занять главенствующее положение.

Иракский премьер-министр, возражая против создания центрального правительства для арабских стран, мотивировал это внешними факторами и разницей в их экономическом и культурном развитии, ратуя лишь за сотрудничество в области торговли, промышленности, сельского хозяйства, культуры, совместное решение политических задач не предполагалось. Подобная точка зрения иракского руководства перекликалась с констатировавшимися агентством Рейтер сообщениями о переговорах по поводу создания арабской федерации: “Самое большее, на что можно надеяться, – это сотрудничество этих стран в культурной и экономической областях, так как до сих пор остается много политических и религиозных проблем, которые необходимо разрешить до осуществления единства панарабского мира. Преимущества, которые могут получить арабские страны в результате создания панарабской федерации, не полностью выяснены”²⁷.

Сирия поддерживала идею создания союза, не выставляя предварительных условий. Фактически, официальный Дамаск настаивал на формировании союза с республиканской формой правления.

Для саудовского монарха приоритетность идеи и практики арабского единства расценивалась как способ создания мощного блокового объединения в границах Ближнего Востока, организационной формой которого должна была стать Лига арабских государств. Решение этой задачи предусматривало создание предпосылок для движения к “становлению организации, которая укрепила бы солидарность арабских стран, создала бы условия, препятствующие возможным внешним попыткам противодействия усилиям арабов, направленным на осуществление кооперации и интеграции между членами такой организации”²⁸. Следующее направление касалось выработки общеарабской позиции в отношении Англии и ее региональных интересов. Отношения с внерегиональными силами – с Великобританией и США, – имели значение для политического курса Ибн Сауда только с точки зрения воздействия этих сил на регион арабского мира²⁹.

---

²⁵ *Ад-Дейрави Назим*. Лига арабских государств: у истоков национального сообщества. – Россия и арабский мир. СПб., 1996, вып. 2, с. 12.

²⁶ АВП РФ, ф. 56 Б, оп. 5, п. 21, д. 6, л. 51.

²⁷ Там же, оп. 7, п. 27, д. 9, л. 8 (Reuters Group plc. 29. X.1943).

²⁸ Kingdom of Saudi Arabia. One Hundred Years in the Service of Arabs and Arab Affairs. Beirut, 2000, p. 63–64.

²⁹ *Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз*. Указ. соч., с. 136.

Противоборство при образовании Лиги арабских государств носило многосторонний характер. Борьба шла между земельными собственниками и национальной буржуазией; между колониальными державами, владевшими различными рычагами воздействия на арабский мир и арабскими народами, а также между английским и американским влиянием. «Американские политики активно выступали против создания арабской федерации под английским руководством, в борьбе против этих планов дипломаты США использовали два средства: поощрение сионистского движения в Палестине и противопоставление Саудовской Аравии арабским странам, находящимся под английским руководством»³⁰.

В апреле 1944 г. в советскую миссию в Египте поступило 230 писем протеста из различных провинций и местных организаций. Характер писем сводился к следующему: «Создание еврейского государства в Палестине – центре арабского мира – направлено на разрыв всеарабского единства»³¹.

Однако идея арабского единства настолько распространилась, что игнорировать проекты объединения стало невозможно. Говоря о единстве, идеолог арабского национализма Саты аль-Хусри подчеркивал, что раздельное существование арабских государств после приобретения ими политической независимости является неестественным. Экономическое сотрудничество и единство арабских стран, которое необходимо в целях взаимодополнения и создания в дальнейшем сильного и независимого в политическом и экономическом отношении государства, осуществимо лишь на основе равноправия³².

На переговорах в Каире было решено созвать осенью 1944 г. конференцию всех арабских государств, целью которой было установление какой-либо формы единства между ними.

В британском правительстве видели большие преимущества в создании Арабской лиги, которая рассматривала бы Британию как лидера, поэтому Великобритания должна была своей активностью повлиять на арабский мир эффективнее остальных держав. В Лондоне утвердилась идея о том, что демонстрация «понимания» вопросов арабского единства идет на пользу интересам Великобритании. С помощью создаваемой организации контакты с Великобританией должны были быть направлены на придание англо-арабским отношениям формы равноправного взаимодействия, а для арабского мира в целом решение данного вопроса предполагало поиск противовеса английским региональным интересам.

7 октября 1944 г. в Александрии на Подготовительной конференции по созданию арабской федерации представителями Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании, Ирака, Саудовской Аравии и Йемена был подписан так называемый «Александрийский протокол», значительная часть которого касалась вопросов сотрудничества в экономической, социальной, культурной областях. В сфере политики предусматривалась увязка внешнеполитических курсов арабских государств, входящих в Лигу, а также принцип мирного решения конфликтных ситуаций без применения силы между странами-членами ЛАГ³³. Регионализм стал общим фактором, определившим позиции арабских делегаций. В то же время он не был просто идеей или положением, отражающим неравномерное развитие в арабском мире, например Египта, с его относительно развитой экономикой и промышленностью, и Йемена, застрявшего в средневековье³⁴.

---

³⁰ АВП РФ, ф. 56 Б, оп. 5, п. 21, д. 6, л. 17 (Бюллетень ТАСС № 332 от 27 ноября 1944 г. [не для печати]).

³¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 36, д. 444, л. 2 (Миссия СССР в Египте – зам. наркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе).

³² Цит. по: *Тихонова Т.П.* Светская концепция арабского национализма. М., 1984, с. 96–97.

³³ *Руденко Л.Н., Соловьёва З.А.* Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М., 2007, с. 11.

³⁴ *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977, с. 270.

Египетский исследователь А. Гомаа так оценивает внешние и внутренние предпосылки становления ЛАГ: “Арабская Лига была рождена арабским национализмом и общим желанием единства. Образование лиги было чисто арабской инициативой, поощряемой Великобританией, но не инспирированной ею”³⁵. Так арабское единство из области романтической идеи переходило в плоскость практических действий. Однако Хартия лиги, подписанная 22 марта 1945 г., в некоторых пунктах существенно отличалась от Александрийского протокола и носила более сдержанный и консервативный характер. В ней было зафиксировано что, обязательными для всех членов Лиги будут единогласные решения, а решения, принятые большинством, обязывают лишь те государства, которые с ними согласны (ст. 7). Правительства Ирака и Трансиордании, наиболее последовательно выразившие интересы Великобритании, были основными противниками статьи о запрете членам Лиги проводить политику, противоречащую ее политике в целом. Следовательно, хартия устанавливала незначительную связь между членами ЛАГ, фактически лишая Совет Лиги всякой исполнительной власти. Каждое государство могло отказаться от выполнения любого решения даже при условии принятия его остальными шестью странами. Отступление Хартии Лиги от принципов Александрийского протокола было обусловлено изменениями в соотношении борющихся сил. В Египте король Фарук отстранил вафдистское правительство Наххас-паши, сменивший же его кабинет представлял интересы национальной буржуазии в меньшей степени. По мере же приближения конца Второй мировой войны позиции США на Арабском Востоке укреплялись, что усиливало беспокойство английского правительства. В Лондоне опасались, что влияние США на политику ряда арабских стран станет доминирующим и в Арабской лиге. Создание оси Каир – Эр-Риад в противоположность оси Багдад – Амман отражало англо-американское соперничество в этом вопросе. Оценивая создание Арабской Лиги, лорд Киллен отмечал, что влияние Египта является определяющим среди арабских стран. Он полагал, что арабский союз будет существовать лишь на бумаге, да и без “любезностей” со стороны Великобритании Арабская Лига распадется³⁶.

Таким образом, создание в марте 1945 г. Лиги арабских государств свидетельствовало о стремлении Лондона перейти от двусторонних отношений к региональному подходу в ближневосточной политике. В британском правительстве рассчитывали, что династические и политические разногласия внутри ЛАГ потребуют вмешательства Англии для предотвращения распада ЛАГ, в результате чего и английское влияние будет восстановлено.

---

³⁵ *Gomaa A.* The Foundation of the League of Arab States: Wartime Diplomacy and Inter-Arab Politics, 1941 to 1945. London – New York, 1977, p. 270–271.

³⁶ *Louis W.* Op. cit., p. 128.